

Шан Сижуй открыл коробку. Внутри лежали яркие и блестящие украшения для головного убора, изготовленные на заказ из хрусталя. На их основании были выгравированы метки ювелирной мастерской, что полностью соответствовало его любви к «настоящим» и «уникальным» вещам. Видимо, Шэн Цзыюнь, получив деньги на праздники, поспешил заказать эти украшения, чтобы угодить Шану Сижую. Однако тот, примерив их, тут же положил обратно в коробку, лишь слегка улыбнувшись, что явно разочаровало дарителя.

— Если он сбивается с пути, это не моя вина. Я никогда его не приглашал, он сам навязывается, — сказал Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай подошёл к нему сзади, наклонился, чтобы рассмотреть украшения, и Шан Сижуй, оказавшись в его тени, почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Какое жестокое сердце. Угодить мастеру Шану действительно сложно. Юный господин Шэн уже отдал всё, что мог, — заметил Чэн Фэнтай.

Шан Сижуй, подняв голову, прикоснулся холодным носом к тёплой шее Чэн Фэнтая, и оба почувствовали лёгкое щекотание.

— Угодить мастеру Шану совсем не сложно, — тихо сказал Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Тогда научи меня.

— Если второй господин будет всегда сидеть в зале и смотреть, как мастер Шан поёт, он будет счастлив.

— Это действительно несложно.

— Ты обещаешь?

— Да. Обещаю.

Их дыхание смешалось, создавая атмосферу лёгкого головокружения, словно они вот-вот поцелуются. Сяо Лай, вмешавшись под предлогом уборки, разъединила их и забрала коробку с украшениями. Она строго следила за финансами Шана Сижую. Чэн Фэнтай с сожалением выпрямился, и Шан Сижуй тоже почувствовал лёгкую грусть.

— Послезавтра у старой княгини Ань день рождения, я буду петь на домашнем спектакле. Ты тоже придёшь?

— Изначально не собирался. Но ради твоего выступления придётся.

Шан Сижуй явно остался доволен.

Резиденция князя Ань, где Шан Сижуй должен был выступать, была связана с семьёй Фань лишь отдалёнными родственными узами. Одну из тётушек Фань называла старую княгиню Ань крёстной матерью, и на праздники семьи часто обменивались визитами. Чэн Фэнтай, однако, не придавал этому значения. Князь Ань владел землями за пределами Великой стены, где паслись бесчисленные стада, и его бизнес был совсем другим. Чэн Фэнтай не переносил высокомерного поведения маньчжурской знати, которая, казалось, всё ещё ждала, что перед ними будут падать ниц. Если бы не Шан Сижуй, он бы просто отправил подарок на день рождения княгини, не утруждая себя личным присутствием.

Праздник начался в полдень, и Чэн Фэнтай, едва проснувшись, отправился на обед. Князь Ань был преданным сыном и лично встречал гостей на ступенях зала. Увидев Чэн Фэнтая, он удивился, не ожидая, что тот окажет ему такую честь. Они обменялись любезностями, и князь, не найдя тем для разговора, указал на Фань Ляня, чтобы они развлекались сами.

Фань Лянь был ещё более удивлён:

— Шурин! Как ты здесь оказался? Садись сюда.

Чэн Фэнтай сел рядом и с улыбкой сказал:

— Я здесь явно не ради тебя.

Он взглянул на старую княгиню, одетую в ярко-красное.

— И не ради неё.

Фань Лянь вздохнул и налил Чэн Фэнтаю чаю:

— Слышать это больно. Я скорблю и за себя, и за княгиню.

Чэн Фэнтай рассмеялся, оглядев зал. Большинство лиц были знакомыми, но Шана Сижую не было видно. Тот всегда придерживался правила «сытый не поёт» и, вероятно, был занят подготовкой к выступлению.

Когда начался банкет, Фань Лянь и Чэн Фэнтай ели и пили, обмениваясь любезностями с несколькими знатными гостями. Затем настал момент, когда гости стали поздравлять именинницу. Старая княгиня Ань восседала на почётном месте, её серебристые волосы и полное лицо излучали благополучие. В честь праздника она нанесла на щёки яркий румянец, который выглядел немного неестественно. Рядом с ней стояли две нарядные служанки в маньчжурских костюмах: одна держала на руках мопса, а другая — позолоченный посох с головой дракона. Даже служанки были украшены золотом и одеты в шёлк, напоминая времена вдовствующей императрицы Цыси.

Многочисленные потомки князя Ань, разделённые на пять групп, по очереди кланялись старой княгине. Гости, окружив их, восхищались этим величественным зрелищем. По старшинству Фань Лянь тоже должен был поклониться. Чэн Фэнтай, подтолкнув его локтем, с насмешкой

спросил:

— Ну что, тоже поклонись?

Если бы Чэн Фэнтай не сказал этого, Фань Лянь, возможно, и сделал бы это. Но теперь он не мог позволить ему одержать верх. Мельком взглянув на Чэн Фэнтая, он выбрал момент, подошёл к княгине и, слегка смахнув рукав пиджака, опустился на одно колено:

— Ваше величество, да пребудет с вами благополучие, и пусть ваша жизнь будет долгой, как век сосны! Лянь пришёл поздравить вас с днём рождения!

Фань Лянь был мастером слова. В борьбе за власть в семье он обошёл всех тётушек, дядей и двоюродных братьев и всегда знал, как найти подход к людям. Его обращение и жест пришлись княгине по душе. Всю жизнь она мечтала быть похожей на свою тётушку, вдовствующую императрицу, и после падения династии Цин всё в её доме было устроено по дворцовым стандартам. Но за всю жизнь никто никогда не обращался к ней так.

Княгиня, прищурившись, разглядывала гостя, и служанка подала ей очки. Увидев Фань Ляня, она широко улыбнулась:

— Лянь-гер! Почему сразу не подошёл ко мне? Только и делаешь, что пьёшь!

Фань Лянь с кокетливой улыбкой ответил:

— Как же! Я просто сопровождал своего шурина!

Княгиня удивилась:

— Твой шурин? Это же зять старшей дочери Фань?

— Именно!

Фань Лянь, смеясь, посмотрел на Чэн Фэнтая. Тот в душе ругал его за наглость, но в одно мгновение оказался в центре внимания. Ему пришлось подойти с бокалом в руке и сказать:

— Именинница, позвольте поздравить вас! Пусть каждый год будет таким же радостным, как сегодня!

Чэн Фэнтай выпил бокал до дна. Княгиня, махнув рукой, подозвала его к себе. Чэн Фэнтай, слегка сторбившись, всё же оставался слишком высоким, и княгиня, схватив его за руку, притянула к себе, внимательно рассматривая его лицо, словно искала блох. К счастью, внешность Чэн Фэнтая выдерживала любой осмотр, и княгиня с восхищением произнесла:

— У зятя прекрасная внешность, он отлично подходит старшей дочери Фань! Эти брови, этот нос — прекрасно! И кожа такая белая!

Чэн Фэнтай едва сдерживал гримасу, а Фань Лянь едва не умер от смеха.

После банкета началось представление. В саду был установлен сценический помост, гораздо более изысканный, чем тот, что был в доме Чэн Фэнтая. Резные красные перила, навес над сценой и ряд осветительных приборов свидетельствовали о том, что готовились даже к ночному представлению. Гости заняли места в соответствии с их статусом, и Чэн Фэнтай с Фань Лянем оказались в первых рядах, где они были единственными молодыми людьми. Чэн Фэнтай подумал, что это даже к лучшему: как только Шан Сижуй выйдет на сцену, он сразу его увидит.

Чэн Фэнтай с нетерпением ждал выступления Шана Сижую, не подозревая, что тот уже давно здесь. Сегодня на сцене собрались лучшие исполнители Пекинской оперы, и несколько известных артистов, у которых было время, участвовали в банкете. Те же, кто готовился к выступлению, включая Шана Сижую, ужинали отдельно. Шан Сижуй, всегда избегавший общения с незнакомцами, ел с другими артистами в заднем зале, но съел совсем немного — он был слишком взволнован. Резиденция князя Ань пригласила его любимых исполнителей, и они должны были выступить вместе, в одних и тех же сценах, на одной сцене. Как тут усидишь!

Шан Сижуй, съев полмиски риса и выпив суп, вышел в сад. Он наблюдал, как слуги расставляли стулья, и быстро занял лучшее место, откуда сцена была видна как на ладони, но сам он оставался незаметным. Усевшись, он словно врос в землю. Увидев Чэн Фэнтая и Фань Ляня в первых рядах, он обрадовался и хотел подойти к ним, но, поднявшись, остановился: если он уйдёт, его место займут. С трудом приняв решение, он остался на месте, решив, что лучше посмотреть представление.

<http://bllate.org/book/15435/1368590>